

Цзян Нин, ещё полчаса назад с пеной у рта уверявший, что умирает от голода, всю дорогу до дома нахально целовался прямо в машине. Наконец уняв свой «голод», он пригнал автомобиль к дому, на скорую руку проглотил ужин и умчался наверх, в ванную.

Впереди ждали два выходных.

Вставать ни тому, ни другому спозаранку не требовалось, так что вечер обещался быть долгим и абсолютно свободным.

Переодевшись в домашнее, Цзян Нин мазнул взглядом по своему отражению в зеркале.

Загорел, чего уж там. Но до угля всё-таки не обуглился — кожа приобрела приятный, здоровый пшеничный оттенок.

Выйдя из ванной, он застал Лу Чжиханя на прежнем месте — тот всё так же полулежал, опершись о изголовье кровати, и погрузился в чтение. Цзян Нин устроился рядом и бесцеремонно вытянул руку, приложив её к белоснежной коже Чжиханя. Разница бросалась в глаза мгновенно.

К тому же из-за сидячей кабинетной работы Лу Чжихань оставался довольно тонким в кости, без капли лишнего жира.

— Ты же вроде каждый день занимаешься? — усомнился Цзян Нин. — А где результаты?

Он несмело потянул вверх край его футболки.

Открылась узкая талия с плавными изгибами — рельеф мышц здесь едва угадывался. Цзян Нин растопырил пальцы, прикидывая обхват, но лёгкое щекотливое прикосновение заставило Лу Чжиханя оторваться от книги. Он смерил юношу слегка укоризненным взглядом.

— Что, не веришь? — Цзян Нин перехватил его ладонь и разом задрал собственную футболку.
— Смотри, вот они — результаты моих военных сборов!

Пресс под его пальцами напрягся, чеканно обозначив кубики. Даже от простого прикосновения к этой молодой коже ощущалась бурлящая, дикая сила.

— За пару дней натренировал? — приподнял бровь Чжихань.

— Ага, — гордо выпятил грудь Цзян Нин.

Однако стоит прохладным подушечкам пальцев, точно невесомому перу, провести по животу,

как вся его выдержка мгновенно испарилась. Раньше до этих мест никто не касался. Он тут же сдёрнул футболку обратно вниз.

— Щекотно!

— Я ещё ничего не разглядел, — Лу Чжихань отложил книгу в сторону и с неспешным грациозным видом посмотрел на парня. — Дай-ка получше взгляну.

Цзян Нин стиснул зубы. Сложив в уме все «за» и «против», он сдёрнул футболку через голову и швырнул её на кровать.

— На, смотри сколько влезет!

Взгляд Лу Чжиханя ощущался почти физически — тяжёлый, пристальный, он скользил по коже дюйм за дюймом. У Цзян Нина были широкие плечи, благодаря которым одежда сидела безупречно, а без неё явственно проступали ключицы и сухие костные выступы. Мышцы образовывали красивый перевернутый треугольник, а на талии не было ни грамма лишнего. По сравнению с тем ломким юношей, которого Чжихань помнил давным-давно, этот парень благодаря времени и нагрузкам обрёл совершенную, ладную силу.

Хотя между ними уже давно не осталось никаких тайн, под этим внимательным, въедливым взглядом — да ещё и полубожажённым — Цзян Нин вспыхнул. Кожа на груди и шее быстро налилась нежным розоватым румянцем.

— Смущаешься? — тихонько поддел его Чжихань.

Цзян Нин весь вытянулся в струнку, а кровь прихлынула к щекам с новой силой.

— Да с чего бы это?!

Вечно он пытался бравировать, хотя читался как открытая книга.

Лу Чжихань чуть подался вперёд и хмыкнул:

— Правда? А почему тогда лицо горит?

— Тебе... тебе показалось!

Прохладная тыльная сторона ладони Чжиханя коснулась его щеки.

— И почему же ты такой горячий? Смотри-ка, даже уши полыхают.

Поняв, что в споре ему не победить, Цзян Нин просто сжал его запястье и накрыл его губы своими.

Вот теперь наступила долгожданная тишина.

Правда, чуть позже Лу Чжихань на собственной шкуре понял, чем чревато доводить молодого пса до белого каления: последствия оказались куда более бурными, чем предполагалось.

На следующее утро никто не торопился вставать.

Открыв глаза, Лу Чжихань ощутил резкую ломоту во всём теле. К его спине плотно прижималось горячее, дышащее жаром тело. Стоило ему слегка шевельнуться, как рука Цзян Нина, обвивавшая его талию, сжалась ещё сильнее.

— Что ж ты вчера такой дикий-то был... — сдавленно прохрипел Чжихань.

Цзян Нин лишь буркнул что-то неопределённое и, уткнувшись подбородком ему в плечо, устроился поудобнее:

— Я могу быть ещё диче.

Лу Чжихань поднял руку, намереваясь взъерошить ему волосы, но парень перехватил его за запястье и слегка прикусил фалангу пальца.

Без боли, совсем нежно. словно щенок, точащий зубы о любимую игрушку — сплошные слюни и ревность.

От него пылало жаром, обнимал он мёртвой хваткой, обожал целоваться и кусаться. Не успели сойти прошлые метки, как за одну ночь всё тело Лу Чжиханя снова покрылось свежими засосами.

— Чуть позже надо будет съездить в одно место, — произнёс Чжихань.

— Угу.

— И даже не спросишь, куда?

— А какая разница? — Цзян Нин прижал его к себе крепче. — Главное — с тобой. Хоть на край света.

Лу Чжихань не удержался от качания головой и мягкой улыбки:

— Не боишься, что я тебя в рабство продам?

— Не продашь, — с полнейшим самодовольством отозвался парень. — Я слишком перспективный актив, жаба задушит.

Поднявшись ближе к полудню, они быстро умылись и перекусили. Вскоре Цзян Нин заметил, что Лу Чжихань переоделся в строгий чёрный ансамбль: угольно-тёмную рубашку и строгие брюки.

Чжихань всегда предпочитал светлые тона. Цзян Нин даже не помнил, видел ли он его хоть раз в чём-то настолько мрачном.

Куда это они собрались в таком торжественно-траурном виде?

— Поехали, — сказал Лу Чжихань. — Сначала заскочим в цветочный, я заказывал два букета.

Цветы?

Цзян Нин слегка нахмурился, но молча сел за руль и повёл машину к ближайшей флористической лавке.

Лу Чжихань вышел. Цзян Нин через лобовое стекло наблюдал, как тот о чём-то беседует с продавцом, и внутри у него заскреблись ревнивые коготки. Кому это Чжихань решил принести цветы? Опять деловая встреча? Но дарить букет по работе... не слишком ли это двусмысленно?

Впрочем, лезть с расспросами в рабочие дела Чжиханя казалось детской глупостью.

Спустя пару минут Лу Чжихань вернулся.

Он открыл дверцу и сел на пассажирское сиденье.

Едва Цзян Нин разглядел охапку у него в руках, все его ревнивые подозрения рассыпались в прах.

Это были два букета белых хризантем, задрапированные в строгую чёрную крафтовую бумагу.

— Мы на кладбище? — тихо спросил Цзян Нин.

— Да, — отозвался Чжихань. — В прошлые годы я не мог приехать лично. Пора навестить.

На погосте царила глубокая тишина. Днём посетителей почти не было. Они медленно поднимались по каменным ступеням тропы.

Хоть Лу Чжихань и не ступал сюда несколько лет, дорогу он помнил до мельчайших деталей — так, словно проходил её сотни раз.

— Здесь почти ничего не изменилось, — негромко произнёс он.

Раньше он всегда приходил сюда в полном одиночестве. Теперь же подле него шагал Цзян Нин.

Парень нёс один из букетов. Подойдя к надгробию, он взгляделся в портрет на керамической овальной пластине: да, это была тётушка Юэюнь, точь-в-точь такая, какой он запомнил её в детстве.

Соседний памятник принадлежал ещё одной женщине. Цзян Нин никогда не видел её при жизни, но уловил в её чертах явное сходство с Чжиханем.

Лу Чжихань бережно опустил хризантемы у подножия и, повернувшись к юноше, ответил на его немой вопрос:

— Это моя мать. Когда её не стало, она доверила меня своей младшей сестре.

Но счастье длилось недолго. Прошло совсем немного времени, и он лишился последнего родного человека, который искренне его любил.

Впрочем, именно в тот беспросветный период он и встретил маленького Цзян Нина.

Цзян Нин опустился на одно колено и аккуратно положил второй букет к могиле матери Чжиханя.

В его голосе не осталось и следа от привычного ребячества. Он произнёс серьёзно и твёрдо, точно давал клятву предкам:

— Я буду беречь Чжиханя. Никогда его не брошу и не обижу, обещаю вам.

Тяжёлая тёплая ладонь опустилась ему на макушку. Лу Чжихань мягко взъерошил его волосы:

— Ну полно. Хочешь заехать в наш старый дом?

Цзян Нин направил автомобиль к коттеджному посёлку, где прошло их детство.

Честно говоря, после переезда он ни разу сюда не возвращался. Старый особняк семьи Цзян отец с мачехой давно продали, так что причин приезжать у него не было.

И вот теперь, спустя годы, он снова здесь. Его родное гнездо уже давно принадлежало чужим людям, а вот соседский дом стоял абсолютно нетронутым — ровно таким, каким Цзян Нин запомнил его по детским играм.

Он припарковался у ограды.

И хотя по аккуратно подстриженным кустам и деревьям угадывалось, что за садом регулярно ухаживают, отсутствие жильцов наложило на дом отпечаток запустения и тихой грусти.

Цзян Нин толкнул ажурную кованую калитку. Со скрипом ржавых петель на него хлынули воспоминания давних лет.

Песочница в углу двора, деревянная скамья, раскидистое дерево... В детстве он обожал карабкаться по его ветвям, а когда забирался слишком высоко и боялся слезть, то начинал громко орать, требуя, чтобы Чжихань снял его на землю.

Вспомнив это, Цзян Нин воровато оглянулся на Лу Чжиханя, чувствуя, как уши обжигает стыдом.

Господи, сколько же у него глупых детских грешков!

— Помнишь, где лежит ключ? — спросил Чжихань.

— Ещё бы.

Раньше Цзян Нин прибежал сюда по сто раз на дню. Чтобы мальчик не целовался с закрытой дверью, когда дома никого не было, Чжихань прятал для него дубликат в тайнике.

Цзян Нин поддел крышку электрощитка слева от входа, извлёк оттуда ключ и вставил его в замочную скважину.

Дверь подалась с тихим шорохом, и Цзян Нин едва не закашлялся от поднявшейся пыли.

Почти вся мебель внутри была укрыта прозрачной плёнкой. Лучи дневного света, пробивавшиеся сквозь окна, казалось, прогоняли мрак через молочно-белый фильтр времени.

Здесь ничего не изменилось.

Диски с мультфильмами, которые он любил смотреть, его старые игрушки — всё лежало на своих местах. Более того: его детские каракули на клочках бумаги, рисунки — всё было бережно собрано и уложено в отдельный пластиковый короб.

Ничего подобного в доме родного отца Цзян Нина никогда не хранилось.

В конце концов Цзян Нин погрузил коробку с детскими вещами в багажник и с трудноуловимым чувством в груди повёл машину обратно в Усадьбу Ихэ.

У него никогда не было нормального понимания слова «дом».

Сколько он себя помнил, тепла семейного очага он не знал. Прислуга лишь равнодушно поглядывала на него — с вечным раздражением и страхом, как бы барчук чего не натворил.

А когда прервались и последние родственные узы, Цзян Нин не раз задавался вопросом: а зачем он вообще живёт на этом свете?

Казалось, его появление ни для кого не было радостью, и катись он хоть к чёрту — никому и дела не будет. Но, оказывается, всё было не так.

Когда-то давно, в самом начале его жизни, был человек, который искренне ждал его появления на свет и хранил каждую его детскую безделушку.

Загнав машину в гараж, Цзян Нин заглушил двигатель, выскочил из салона и крепко обнял Лу Чжиханя — совсем как в детстве, когда прибегал к нему за утешением.

Он прижался к нему всем телом, изо всех сил сжав пальцы на его спине.

От этой отчаянной хватки Лу Чжиханю стало почти больно, но он лишь ласково погладил парня по лопаткам:

— Ну что ты? Опять плакать собрался?

— Ничего я не собирался! — буркнул Цзян Нин, яростно огрызнувшись. — Я уже давно не плакса!

— Здесь же никого нет. Если хочется пореветь — реви, я никому не скажу.

— Не хочу я реветь, — уткнувшись ему в плечо, глухо пробормотал парень. — Просто хочу тебя поддержать. Дай мне так постоять.

— Хорошо.

На улице они провели полдня, так что Цзян Нин успел слегка вспотеть и испачкаться пылью, пока таскал коробку. Взяв чистую одежду, он направился в душ.

Теперь пара его вещей постоянно лежала в спальне Чжиханя, да и спал и мылся он чаще всего здесь.

Под струями воды, стекавшими по волосам и телу, Цзян Нин оглядел своё отражение в зеркале.

От того маленького карапуза в нём почти ничего не осталось.

По крайней мере, он больше не ревел по каждому поводу, не малевал в рабочих блокнотах Чжиханя и не приставал к нему с дурацкими детскими играми.

Цзян Нин с досадой закрыл лицо ладонями. Знай он тогда, что спустя годы они снова встретятся — да ещё и окажутся в таких отношениях! — он бы ни за что не вёл себя как последний дурак.

Впрочем, исправить впечатление ещё не поздно, верно?

Шум воды за стеклянной дверью ванной мерно гудел. Лу Чжихань в пижаме с полувлажными волосами сидел на кровати, листая книгу.

Внезапно тумбочка отозвалась дробным вибрационным треском — зазвонил телефон Цзян Нина.

Чжихань поднял глаза.

Экран вспыхнул несколькими уведомлениями. Вдруг что-то срочное?

— Цзян Нин, тебе тут пишут!

Шум душа стих, и из-за двери донёсся глуховатый голос:

— Посмотри сам! Пароль — день моего рождения.

Лу Чжихань ввёл нужные цифры, и экран разблокировался.

Пришедшие сообщения оказались рассылкой из общего чата группы: куратор отметила всех и скинула расписание на семестр с памяткой для первой учебной недели.

Он открыл изображение. Хотя это был лишь первый курс, расписание выглядело завязанным в тугой узел: четыре дня в неделю пары первой парой с восьми утра, да ещё и куча лабораторных.

Сохранив картинку в галерею, Лу Чжихань решил на всякий случай скинуть её себе в мессенджере.

Однако когда он открыл список контактов и взгляд его упал на имя, под которым он был записан у Цзян Нина, Чжихань замер.

В этот момент дверь ванной распахнулась.

Окутанный клубами пара, Цзян Нин вытирал полотенцем мокрые волосы:

— Ну что там такое?

Не заметив странного выражения на лице Чжиханя, он уселся рядом и наклонился к экрану:

— А, расписание...

— Цзян Нин, — внезапно позвал его Лу Чжихань, ткнув пальцем в экран. — А что означает «Большой простофиля»?

Сердце Цзян Нина ухнуло куда-то в пятки. Он стыдливо отвёл взгляд — записал-то он его так сто лет назад, да так и забыл переименовать.

— Э-э... Ну, это долгая история...

— Я не тороплюсь. Вкратце.

Цзян Нину ничего не оставалось, кроме как сбивчиво выложить всю правду: начиная с того фальшивого «Приложения желаний» и заканчивая собственными глупыми надеждами. По мере рассказа он и сам начал понимать, насколько нелепо всё это звучало.

Он закрыл лицо руками.

Только отчаянный глупец мог доверить свои мечты какой-то сомнительной розовой программке...

Лу Чжихань не удержался и тихонько прыснул. Цзян Нин тут же вспыхнул до корней волос:

— Перестань смеяться!

Он готов был сгореть со стыда. Ладно в детстве чудил, но как его умудрилось так переклинить уже во взрослом возрасте?!

Лу Чжихань прикрыл рот кулаком, но сдержать смех так и не смог — его плечи мелко подрагивали, и он слегка прислонился к плечу юноши.

Вот ведь наказание!

Цзян Нин только-только вознамерился исправить свой образ в его глазах, а тут такое фиаско. Спасать репутацию было поздно.

Внезапно взгляд Цзян Нина упал на телефон самого Чжиханя:

— Погоди-ка! А я у тебя как записан?

Чжихань чуть заметно запнулся.

Уловив это мгновенное замешательство, Цзян Нин радостно ухватился за шанс отыгаться:

— Ага! Ты точно обозвал меня как-то нехорошо!

Он сгрёб телефон Чжиханя и отскочил в угол кровати:

— Дай-ка я угадаю пароль...

Но едва экран вспыхнул, Цзян Нин мгновенно лишился дара речи.

Заставкой стояла его собственная фотография с военных сборов. Снято было издалека, а потом аккуратно кадрировано так, чтобы в кадре остался только он.

— Ты... почему у тебя моё фото на обоях?! — смущённо и растерянно выдохнул парень.

Ощущение было диковинное и невероятно приятное.

Он ещё раз перевёл взгляд на снимок — ничего выдающегося, обычный кадр, совсем не тянет на статус заставки.

— Мне кажется, очень к месту, — спокойно откликнулся Чжихань.

«К месту»?

Да что тут к месту?!

Но мысль о том, что Лу Чжихань каждый раз, открывая телефон, видит именно его лицо, заставила грудь Цзян Нина наполниться жарким, неконтролируемым восторгом.

Губы сами собой расплзлись в улыбке. Он ввёл дату рождения Чжиханя — и телефон разблокировался.

Лу Чжихань не стал его останавливать, лишь с улыбкой наблюдал за ним.

И ровно через секунду...

Парень, только что с трудом сдерживавший торжество, мгновенно взвился:

— Как ты мог так меня записать?! Это же чистой воды клевета! Поклёп!

— Кроме тебя, никто не посмеет тронуть мой телефон.

Но эти слова ничуть не успокоили Цзян Нина. Увидев в контактах имя [Маленький плакса], он мгновенно покраснел от щёк до самого затылка и бурно запротестовал:

— Стриги! Срочно меняй! Прямо сейчас!

— Ладно, напиши то, что тебе нравится.

Едва Цзян Нин перевёл дух, как Чжихань с невозмутимым видом добавил:

— Хотя, по-моему, прежнее подходило идеально.

В детстве Цзян Нин и правда был ужасным ревой: чуть что — сразу в слёзы, да ещё и с

обиженными капризами. Пока не выучишься ублажать — хрен помиришься.

— Ничего подобного!

Цзян Нин без долгих раздумий отстучал на клавиатуре новое имя и сунул телефон обратно Чжиханю:

— Вот! Чтобы отныне было только так, и никаких тайных правок!

Лу Чжихань глянул на экран.

Вместо лаконичного «Маленький плакса» там теперь красовалось:

[Цзян-Вселенский-Номер-Один-Супер-Непобедимый-Красавец-Нин]

Лу Чжихань: «...»

— Ну? — с вызовом победоносно взглянул на него Цзян Нин. — Разве это не подходит мне куда больше?

Чжихань протянул руку и прохладными пальцами слегка сжал его пылающую щеку.

Цзян Нин от неожиданности дёрнулся:

— Ты чего щиплешься?!

— Проверяю, не стала ли у тебя кожа на лице в два раза толще.

— Лу Чжихань! Ты на что намекаешь?! — Цзян Нин подался ещё ближе. — Скажи честно, приложи руку к сердцу — я что, не достоин такого титула?

Он сидел вплотную, так что ровный, точёный нос почти касался щеки Чжиханя. Первое впечатление о Цзян Нине у многих складывалось как о парне резком и опасном, но никто и никогда не называл бы его дурнушкой.

С такого расстояния в его узких, хищных глазах чётко отражался силуэт Чжиханя.

Даже без прикосновения Чжихань знал: его собственное сердце сейчас отбивает частый ритм.

— А ты? — тихо спросил Лу Чжихань. — Как ты меня запишешь?

Цзян Нин заметно замер. Опустив густые ресницы, от которых на щёку упала тень, он уткнулся в свой экран.

Его длинные, сухие пальцы быстро отстучали несколько букв.

В строке контакта появились три слова.

Не имя. Не «парень».

А куда более весомое и серьёзное:

[Жених]

От этого слова у самого Цзян Нина щипало в глазах и горячело в груди. Слишком интимно, слишком близко — собственное тело, казалось, плавилось от зашкаливающей температуры.

Странное, удивительное чувство.

Пока Цзян Нин пытался совладать с охватившим его трепетом, Лу Чжихань подался вперёд и коснулся прохладными, мягкими губами его горячего века.

— Мне нравится эта запись, — шепнул он. — Смотри у меня, сам её не меняй.

<http://bllate.org/book/19724/1945271>